

Взгляды Н.Н. Поппе на праязык и этническую историю чувашей

Труды члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Поппе (1897–1991), посвященные изучению чувашского языка, опубликованы в 20-х гг. XX в. В работе проанализированы семь статей ученого и три брошюры на русском и немецком языках. Статья 1974 г. на немецком языке представляет собой изложение ранее написанных статей и брошюр и дополнение к ним. Основными задачами своих исследований Поппе полагал выявление прачувашского языка и определение роли языковых параметров в этнической истории. Предприняты попытки ответить на вопрос: насколько важны и существенны взгляды ученого с точки зрения сегодняшней науки? Отмечено, что истоком идей Поппе явились труды финского лингвиста Густава Рамстедта (Поппе этого никогда не скрывал). Однако если Рамстедт возводил язык и историю чувашей к западнохуннской ветви, то Поппе считал чувашей болгароязычным народом. В то же время чувашаи как носители r/l-языка, писал он, резко отличаются от тюркоязычных народов, носителей z/sh-языка. В качестве других признаков, отличающих чувашей от тюрков, он называл местоимения, ударения и морфологические особенности. Что касается большого количества тюркской лексики в чувашском языке, то это результат многовекового заимствования из языка казанских татар. Также имеет место небольшое количество монгольских заимствований. Тем не менее чувашский язык все эти заимствования «перерабатывал» по своим фонетическим законам. Если Рамстедт считал началом тюркско-чувашских языковых контактов IV–VI вв., то Поппе указывал на более раннее время. Автор настоящей статьи на основе исторических хроник и языковых взаимоотношений утверждает, что такие контакты произошли не ранее VI в.

Ключевые слова: Н.Н. Поппе, прачувашский язык, этническая история.

Writings of N.N. Poppe, associate member of Academy of Sciences of the USSR (1897–1991) dedicated to the study of the Chuvash language were published in the 20th of the 20th century. The article contains analysis of his seven articles and three brochures in the Russian and the German languages. One article published in 1974 in German is a reproduction of and addition to articles and brochures written earlier. Poppe's main objectives were to identify the Proto-Chuvash language and determine the role of linguistic parameters in ethnic history. How important and essential are his views from the standpoint of today's science? The author of the article being published tries to give answers to this question. As it happens, Poppe made no secret of the fact that the source of his ideas was the writings of Finnish linguist Gustaf Ramstedt. However, while Ramstedt attributed the Chuvash language and history to West-Hun branch, Poppe thought that the Chuvash is a bulgar-speaking people. At the same time, Chuvash people as native speakers of r/l language stand in stark contrast to Turkic-speaking peoples which are native speakers of z/sh language. He noted pronouns, stresses, and morphological peculiarities as other signs which make the Chuvash different from Turkic. As regards the existence of a large number of Turkic words in the Chuvash language, this is the result of centuries-old borrowings from the language of Kazan Tatars. In addition, there are few Mongolian loan words. Nevertheless, the Chuvash language "processed" all those borrowings according to its own phonetic laws. While Ramstedt dated the beginning of Turkic-Chuvash language contacts to the 4th–6th centuries, Poppe dated them earlier. On the basis of historical chronicles and linguistic relationships, the author takes up the position that such contacts occurred in the 6th century at the earliest.

Keywords: N.N. Poppe, Proto-Chuvash language, ethnic history.

Введение

Как и многие лингвисты, Н.Н. Поппе выделял две основные теории о принадлежности чувашей к той или иной языковой семье: одни считали чувашей финно-уграми, другие, наоборот, исходно тюрками. До Поппе многие ученые — Август Шлёцер, Иоганн Аделунг, Юлиус Клапрот, Расмус Раск, Вильгельм Шотт, Вильгельм Грэнбех, В.М. Мелиоранский — считали чувашский язык диалектом тюркского языка. Иной точки зрения придерживались Пьер-Шарль Левек и Матиас Кастрен. Они утверждали, что чувашаи относятся к финно-уграм. В список финноязычных народов включал чувашей С.Г. Домашнев. Некоторые исследователи, в частности Н.Н. Поппе, чувашский язык не относили ни к тюркской, ни к финской группе языков. Его признавали дотюркским и считали третьим звеном.

Что касается этнической истории, то прямыми историческими предками чувашей Н.Н. Поппе признавал болгар. При этом он в основном опирался на лингвистику.

Праязык

Густав Рамстедт возводил тюркские и чувашский языки к западно- и южнохуннской ветвям языков, что, конечно, неоднозначно и требует уточнения в свете последних достижений в области исследования истории гунно-савирских взаимоотношений [8. С. 18–122, 268–313]. Согласно В.В. Бартольд, при формировании чувашского языка еще не сложились характерные черты языков тюркской семьи. Он также считал, что тюркско-чувашская противоположность в виде фонетического перехода $p > z$ и $l > ш$ произошла, возможно, в начале нашей эры [2. С. 198, 579]. На сегодняшний день чувашский язык является единственным сохранившимся p -языком (*tǎxxǎr* «девять» вместо тюркского *тогуз*). Но первые контакты носителей чувашского языка с тюркоязычными племенами следует отнести самое раннее ко второй половине VI в. Тогда передовые отряды тюркских племен встретили в Европе савиров. Есть и другие фундаментальные закономерности, свидетельствующие о чувашском языке как о дотюркском явлении. Так, надгробные надписи Волжской Булгарии хорошо отражают типичные для чувашского языка p - и l -диалекты в противоположность z - и $ш$ -диалектам тюркских языков. Здесь имеем слова *саккар* «восемь», *вутур* «тридцать», *хир* «девушка», *арня кун* «пятница», *биалем* «пятый». Эти слова в других тюркских языках имеют формы *секиз*, *утыз*, *кыз*, *атна кон*, *бишенче*. В целом тюркскому звуку z соответствует не только чувашский, но и монгольский r . Однако сами алтаисты признают, что тезис о контактировании предков чувашей «в Сибири с монголами — предположение, не подкрепленное историческими свидетельствами» [3. С. 76]. В истории были и другие p -языки, например несохранившийся хазарский язык, с которым имели близкие контакты исторические предки чувашей в VII–X вв.

В тюркских и чувашском языках отмечается различие местоимений первого и второго лица единственного числа. Например, в первом лице единственного числа в тюркских языках — *мен*, а в чувашском языке номинативом является *эпӗ*. Говоря о местоимениях в чувашском языке, Н.Н. Поппе заметил, что они стоят как-то особняком и не могут быть прямо сопоставляемы с общетюркскими местоимениями. А это лишний раз доказывает, что тюркские языки гораздо ближе друг к другу, чем к чувашскому языку. По мнению Н.Н. Поппе, чувашский язык обособился еще до формирования пратюркского языка [7. С. 61, 64].

Чувашский язык является сокровищем для изучения тюркских языков и имеет неоценимое значение для тюркской лингвистики, т.к. сохранил целые слои архаистических особенностей. Первым, кто целенаправленно указал на это еще до Н.Н. Поппе, был Густав Рамстедт в своей статье “Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen” [17. S. 1–34]. Поппе оценил непреходящее значение этой статьи. Со своей стороны, он счел возможным древнечувашский язык рассматривать как независимый язык, который восходит к братскому языку оригинального древнетюркского языка. Поппе называл этот гипотетический общий язык, к которому восходят чувашский и тюркский языки, не «оригинальным тюркским», а «дотюркским» или «тюркско-чувашским праязыком» (*die türkisch-tschuwassische Ursprache*) [11. S. 409]. В другой работе он называет это явление «булгаро-тюркским праязыком» (*bulgarisch-türkische Ursprache*). При этом ученый уточняет, что чувашский язык не может быть назван изначально тюркским: он является «булгаро-тюркским праязыком» (*bulgarisch-türkische Ursprache*), к которому восходят оригинальный тюркский (*das Urtürkische*) (z -диалект) и прачувашский (*Urtschuwassische*) (r - и l -диалекты) [10. S. 776–777].

Ряд особенностей связывает чувашский язык с древнейшими тюркскими языками, что, в свою очередь, доказывает: чувашский язык является древним языком. К таким древним тюркским языкам следует причислить южнотюркские диалекты, которые характеризуются множеством особенностей и находят эквивалент только в чувашском, в то время как в других тюркских языках почти не сохранились их следы [11. S. 410]. Турецкий языковед пишет о том, что все тюркские языки имели одинаковый диалект, а чувашский язык относится к другому наречию. По его мне-

нию, чувашский язык более древний, чем прото- и общетюркский, это видно из его строения, «возраста» и лексики [19. P. 452].

В вопросе выяснения «возраста» чувашского языка значительное место занимает статья Н.Н. Поппе “Zur Stellung des Tschuwaschischen”, опубликованная в 1974 г. Начнем с ударения. Если в тюркских языках ударение обычно падает на последний слог, то в чувашском языке в некоторых случаях — на последний слог, а в других — на предпоследний или первый слог. Если первый слог является ударным, гласные всех слогов данного слова редуцируются. Например: *кёмёл* «серебро», *вёрәм* «длинный», *тёнёллэ* «имеющий ось» и др. Если последний слог ударный, тогда гласные всех слогов данного слова артикулируются полностью. Например, *сарлака* «широкий», *хуран* «котел», *ура* «нога». Во всех остальных случаях ударным является слог, содержащий полностью артикулируемый гласный, в то время как гласные остальных слогов редуцируются. Например, *алăк* «дверь», *тăватăм* «четвертый», *тăнсалă* «имеющий петлю». Однако если в слове два слога содержат полностью артикулируемые гласные, а гласные остальных слогов редуцируются, то из двух слогов с полностью артикулируемыми гласными ударным является второй. Например, *арманăн* (родительный падеж) от *арман* «мельница», *лашасăр* «не имеющий лошади» [16. S. 136].

Обратимся к некоторым вопросам морфологии. Среди дотюркских или, во всяком случае, нетюркских морфологических особенностей чувашского языка прежде всего следует отметить окончание множественного числа *-sem*, которое не соответствует правилам гармонии гласных. Например, *сăмахсем* «слова» от *сăмах* «слово», *ёссем* «работы» от *ёс* «работа» и т.д. Можно предположить, что это окончание восходит к самостоятельному слову. Для выяснения Рамстедт проанализировал тюркское слово **sayın* «каждый» [18. S. 58.] (ср.: др.-тюрк. *sayın* «каждый»). Общетюркский суффикс *-lar/-lär* также отсутствует в чувашском языке. Можно полагать, что он никогда и не встречался, поскольку трудно предположить, что в чувашском языке, имеющем очень много более поздних заимствований из тюркских языков, первоначально имел место суффикс *-lar/-lär*, который впоследствии был заменен на **sayın*. В этой связи Н.Н. Поппе считал, что произошло как раз наоборот: суффикс *-lar/-lär* также развился из исходного самостоятельного слова только после распада чувашско-тюркской языковой единицы.

Таким образом, видим, что в образовании множественного числа тюркские языки и чувашский пошли разными путями и что до образования пратюркского и прачувашского у языков не было общих окончаний множественного числа, существующих в настоящее время. С другой стороны, утверждал Н.Н. Поппе, в дотюркском существовал общеалтайский суффикс **t*. Например, ср.-тюрк. *alpaγut* «герой, богатырь» от *alpaγu*; ср.-тюрк. *tegit*, мн. ч. от *tegin* «принц»; ср.-тюрк. *tarqat*, мн. ч. от *tarqan* «аристократ» [16. S. 140–141].

Чувашский язык значительно отличается от тюркских языков также личными местоимениями. Как известно, в монгольских и маньчжуро-тунгусских языках формы именительного падежа личных местоимений отличаются от основы. Например, в др.-тюрк. *ben* «я» является и формой именительного падежа, и неизменяемой основой. Ср.: *ben-i* (винительный падеж), *ben-ij* (родительный падеж). Точно так же *sen* «ты» является и формой именительного падежа, и неизменяемой основой. Ср.: *sen-dā* (локатив), *sen-i* (винительный падеж). То же самое касается и современных живых тюркских языков. Такая же картина наблюдается и в чувашском языке: *эпĕ* «я», при этом *ман-ăн*; *эсĕ* «ты», при этом *сан-ăн*. В пратюркском языке основа личных местоимений заменила древнюю форму именительного падежа, что также находим в новоперсидском языке, где *tān* «я» является древней основой. Как видим, у местоимений в чувашском языке более древние особенности по сравнению с тюркскими языками [Ibid. S. 141–142].

В чувашском языке имеется ряд таких местоимений, которые не встречаются ни в одном из тюркских языков. К ним относится указательное местоимение *ку* «этот» (*кунтан* — наречие «отсюда») [17. S. 13]. Множественное число *ку* — *кĕсем/кăсем* «эти». Еще одно интересное указательное местоимение в чувашском языке — *çак/çакă* «этот», которое, вероятно, изначально было противоположно слову *акă* «вот» [16. S. 142].

Среди глагольных форм следует отметить чувашский соединительный конверб, не входящий ни в глагольную, ни в именную парадигму. Он обозначает действие, являющееся одновременным или предшествующим основному действию, а его суффикс — *-ca/-ce*. Например, *каласа* «говоря», *илсе* «получая». Данный глагол не имеет эквивалента в тюркских языках [Ibid. S. 146].

В своих работах Н.Н. Поппе на многих примерах показывал, что чувашский язык не восходит к тому же праязыку, что и древнетюркский, якутский, узбекский, татарский, азербайджанский, турецкий и др. Мы осознаем, писал он, что отношения между языком А и языковой группой N не могут быть точно такими же, как, например, отношения между языком В и языковой группой S. Чувашского языка не коснулись следующие фонетические изменения: 1) $*r_2 > z$; 2) $*l_2 > \check{s}$; 3) $-*\check{c}$ и $-*l\check{c} > \check{s}$; 4) в чувашском языке также сохранились дотюркские черты в морфологии.

Если причислить чувашский язык к тюркским языкам, то делать это следует с определенной оговоркой, т.к. чувашский не относится к татарскому языку так же, как туркменский к татарскому. Отношение татарского к туркменскому можно сравнить скорее с отношением швабского к баварскому, а отношение чувашского к татарскому или туркменскому больше напоминает отношения между нижненемецким и швабским или баварским [Ibid. S. 147].

О том, что чувашский язык исконно не был тюркским, свидетельствуют имеющиеся в большом количестве в лексическом фонде заимствованные слова из тюркских языков: больше всего из языка казанских татар, а также в небольшом количестве из монгольского. Таких заимствованных слов настолько много, что около половины чувашского словарного состава можно рассматривать как тюркские заимствования. При этом можно отметить, что эти заимствования не одного, а разного возраста. Таким образом, в чувашском языке несколько пластов заимствованных слов, которые можно с легкостью разделить благодаря различным фонетическим процессам. Такие разнообразные пласты заимствованных слов придают чувашскому языку пестрый вид [13. S. 151]. Причем при заимствовании чувашский язык «перерабатывал» чужую лексику по своим фонетическим законам. В качестве примера назовем соответствие древнего тюркского *q* в любой позиции, согласно фонетическим законам, чувашскому звуку *x*. Примеры были приведены еще Густавом Рамstedтом. Они известны языковедам: чуваш. *xĕl* = казан.-татар. *qış* «зима»; чуваш. *xĕlĕx* = казан.-татар., кир., осм. *qıl* = монг. *kilyasun* «конский волос, струна»; чуваш. *xĕp* = казан.-татар., осм. *qiz* «девочка, дочь»; чуваш. *xālxa* = алт., осм. *qulaq* «ухо» = монг. *quluγu* «ушная сера» и т.д.

Как видим, ввиду множества особенностей чувашский язык отличается от тюркских языков. Но это не тюркский язык, т.к. это *p*- и *l*-языки.

Представляю себе появление чувашского языка следующим образом: 1. Первоначальный алтайский язык (Altaische Ursprache) (древний монголо-тюркский язык). 2. Разделение на а) первоначальный монгольский и б) тюркско-чувашский древний язык (хуннский?). 3. Разделение тюркско-чувашского древнего языка на *r*- и *l*-языки, т.е. на древнечувашский (западнотюркский?) и на древнетюркский (османский?). Только так я могу объяснить тот факт, что чуваша так близки к тюркским языкам: они восходят к общему материнскому (Muttersprache) (чувашско-тюркскому) языку [12. S. 80–81].

Н.Н. Поппе еще в 1925 г. пришел к однозначному выводу: «...не тюрко-татарские звуки *z* и *ш* являются более древними, но чувашские звуки *p* и *л*, что, следовательно, не тюркские звуки *z* и *ш* перешли в чувашском языке в *p* и *л*, но, наоборот, что звуки *r* и *l* перешли в тюрко-татарских языках в *z* и *ш*» [5. С. 8]. Густав Рамstedт считал время перехода $r > z$ и $l > \check{s}$ между IV и VI вв. н.э. Но Н.Н. Поппе полагал, что это произошло гораздо раньше [12. S. 82]. Разногласия между Рамstedтом и Поппе весьма важны. Исторические источники и хронографы позволяют склоняться в пользу Рамstedта, т.к. тюрки и исторические предки чувашей могли впервые встретиться на Северном Кавказе именно в указанные Рамstedтом века, и не ранее [9. С. 17–116, 187–245].

Этническая история

В брошюре «Чуваши и их соседи» Н.Н. Поппе оценивает язык как исторический источник.

Когда молчат все науки, то только данными языкознания можно решить вопрос о том, существовали ли между теми или другими народами древности какие-либо сношения, а также определить характер их, если факт таковых сношений может быть подтвержден [6. С. 3].

При поиске исторических предков, утверждал Поппе, языку уделяется главное место, т.к. «культура, религия и даже антропологические особенности» меняются, а язык «является самым верным и постоянным признаком», по которому можно идентифицировать современный народ с его предками. Если быть более объективным, то названные и другие координаты (история, геногеография, археология, этнография, искусство, фольклор) при изучении этнической истории (в том числе исторических соседей) должны быть учтены в полной мере (комплексно и системно). Более того, язык также явление сравнительно быстро меняющееся.

Н.Н. Поппе, излагая в своих публикациях вопросы этнической истории чувашей, однозначно идентифицировал чувашей с булгарами. Так, в работе “Tatar Manual” [14] он писал, что чувашский язык очень тесно связан с болгарским, т.к. оба являются *r-* (и *l-*) языками. В качестве примеров он приводил известные в литературе образцы: чуваш. *çĕр* — болгар. *jūr*, тюрк. *yüz* «сто»; чуваш. *хĕр* — болгар. *hīr*, тюрк. *qīz* «девушка»; чуваш. *пӱлӱкмӱш* — болгар. *biyälīm*, тюрк. *beşinç* «пятый» и т.д. Заодно как бы иллюстрируется тюркскость чувашского языка.

Весьма показательно высказывание Поппе о булгарах, которых он считал то предками чувашей, то близкими по языковому родству. Свое мнение о географическом расположении древних булгар он выразил в отзыве на книгу А.С. Канюковой «Чувашская диалектология (краткие очерки)» (Чебоксары, 1965). Поппе написал буквально следующее:

Канюкова права, когда говорит, что прямая связь между чувашским и языком древнетюркских надписей не может быть установлена (стр. 14), но она ошибается, полагая, что общие для них черты могут быть результатом тесного географического соседства обеих групп, когда древние чувашские (= болгарские) племена жили вблизи озера Байкал (стр. 15). Древние булгары почти никогда не жили там [15. С. 227].

Памятников болгарской письменности не так много. Они ограничиваются несколькими надписями на арабском языке на надгробиях XIII–XIV вв. [4]. Кроме того, подавляющее большинство из них выполнено арабской графикой. Тем не менее многие языковеды сходятся во мнении, что надписи на надгробных плитах прочитываются по-чувашски.

По мнению Н.Н. Поппе, руководящая роль в распространении земледельческой и скотоводческой культур в Поволжье, а также в южнорусских степях принадлежала чувашам и их предкам булгарам [6. С. 30]. Местности, обитаемые в настоящее время чувашами, как известно, некогда входили в состав Волжско-Булгарского царства [5. С. 8]. В XIII столетии город Булгар на Волге подвергся опустошению со стороны монголов (1236–1237). В XV в. царство волжских булгар уже перестает существовать, т.к. к тому времени относится расцвет Казани, основанной Улу Мохаммедом (ум. 1446) и сведшей на нет значение Булгара.

Близость чувашского языка к болгарскому настолько велика, что можем считать нынешний чувашский язык потомком болгарского языка [1], а чувашей — потомками деревенского [5. С. 9] населения Булгарского царства, имевшего, вероятно, слабую связь с городом, вследствие чего оно не успело приобщиться к мусульманской культуре. Для примера автор брошюры «О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков» приводит образцы нескольких болгарских и чувашских слов. Из этих примеров видно, что в болгарском языке тюркским звукам *z* и *ш* тоже соответствовали звуки *r* и *l*, как и в чувашском; поразительное сходство болгарских слов с чувашскими заставляет признать, что чувашский язык является потомком болгарского языка. Основываясь на этих примерах, Н.Н. Поппе полагал, что можно историю волжских булгар до некоторой степени считать историей чувашского народа [Там же. С. 10].

Конечно, болгары, которых Н.Н. Поппе считал прямыми пращурами современных чувашей, имеют общую историю с историческими предками чувашей. Однако источники, которых Поппе не касается, дают нам несколько иную картину. Если следовать первоисточникам, то наиболее

достоверной является савирская гипотеза происхождения чувашей, вернее, савары / савиры / сувары составили стержень и ядро предков чувашей... Если даже отложим все предположения, относящиеся к событиям до нашей эры, то остаются сведения начала нашей эры. Это свидетельства Птолемея (II в.), Элия Геродиана (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.), Приска Панийского, Прокопия Кесарийского и Стефана Византийского (V в.) [9. С. 246–247].

Поэтому есть необходимость сказать, что взгляды Н.Н. Поппе на историю и язык чувашей строились поверхностно, с опорой лишь на общеизвестный и в то же время ограниченный круг материалов. Это видно и из имеющихся сносок в его публикациях. В основном он оперировал имевшимися к 1920-м гг. теориями и без особой критики соглашался с ними.

Однако следует признать его правоту в том, что ни болгарский, ни чувашский языки нельзя считать ни турецким (т.е. тюркским) диалектом, ни монгольским [5. С. 426]. Близко к истине его предположение, что язык волжских болгар и старочувашский были двумя диалектами одного языка [10. S. 775].

Заключение

Н.Н. Поппе в своих взглядах на чувашский праязык отталкивался от идей Густава Рамстедта и В.В. Бартольда. Стартовой оказалась точка зрения о фонетических контаминациях в *p > z* и *l > ш*-языках. Притом чувашский язык считается единственным действующим среди тюркских языков. Аналогичная контаминация в монгольском и в настоящее время не существующем хазарском языках. Это основной признак, отличающий чувашский язык от тюркских. С монголами генетические связи не прослеживаются, были только контакты с XIII в. Поппе также отмечает чувашско-общетюркские различия в местоимениях, ударениях и морфологии. О том, что чувашский язык исконно не был тюркским, свидетельствуют имеющиеся в большом количестве в лексическом фонде заимствованные слова из тюркских языков: больше всего — из языка казанских татар, в небольшом количестве — из монгольского. Причем при заимствовании чувашский язык «перерабатывал» чужую лексику по своим фонетическим законам.

По мнению Н.Н. Поппе, не тюркские звуки *z* и *ш* перешли в чувашском языке в *p* и *л*, а наоборот, звуки *r* и *l* перешли в тюрко-татарских языках в *z* и *ш*. Если Густав Рамстедт считал время перехода *r > z* и *l > ш* между IV и VI вв. н.э., то Н.Н. Поппе полагал, что это произошло гораздо раньше. Исторические источники позволяют склоняться в пользу Рамстедта, т.к. тюрки и исторические предки чувашей могли впервые встретиться на Северном Кавказе именно в указанные Рамстедтом века, и не ранее. О том, что чувашский язык более древний, чем прото- и общетюркский (строение, «возраст» и лексика), пишут и современные тюркологи.

Литература / References

1. Ашмарин Н.И. Болгары и чувашы. Казань: Имп. ун-т, 1902. 132 с.
2. Ашмарин Н.И. Bolgary i chuvashi. Kazan': Imp. un-t, 1902. 132 s.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 757 с.
4. Bartold V.V. Sochineniia. T. V. Moscow: Nauka, 1968. 757 s.
5. Васильев Д.Д., Хелимский Е.С. XXIX сессия Постоянной международной алтаистической конференции // Вестник Академии наук СССР. 1987. № 5. С. 72–78.
6. Vasilyev D.D., Khelimsky E.S. XXIX sessiia Postoiannoii mezhdunarodnoi altaisticheskoi konferentsii // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1987. No. 5. S. 72–78.
7. Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам (начало) // Известия Российской академии наук. VI серия. 1924. Т. XVIII. С. 289–314.
8. Poppe N.N. Chuvashskii iazyk i ego otnoshenie k mongol'skomu i turetskim iazykam (nachalo) // Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. VI seriia. 1924. T. XVIII. S. 289–314.

5. *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары: Чувашоблиздат, 1925. 32 с.
Poppe N.N. O rodstvennykh otnosheniakh chuvashskogo i tiurko-tatarskikh iazykov. Cheboksary: Chuvashoblizdat, 1925. 32 s.
6. *Поппе Н.Н.* Чуваша и их соседи. Чебоксары: Общество изучения местного края, 1927. 31 с.
Poppe N.N. Chuvashi i ikh sosedi. Cheboksary: Obshchestvo izucheniia mestnogo kraia, 1927. 31 s.
7. *Поппе Н.Н.* Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татаро-ведения. 1927. № 7. С. 61–64.
Poppe N.N. Ukazatel'nye i voprositel'nye mestoimeniia v chuvashskom iazyke // Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia. 1927. No. 7. S. 61–64.
8. *Салмин А.К.* История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.
Salmin A.K. Istoriia chuvashskogo naroda: analiz osnovnykh versii. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017. 464 s.
9. *Салмин А.К.* Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.
Salmin A.K. Saviry, bulgary i tiurko-mongoly v istorii chuvashei. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019. 296 s.
10. *Poppe N.* Die Tschuassischen Lautgesetze (Besprechung von G.J. Ramstedt Zur Frage nach der Stellung des Tschuassischen. JSFOu XXXVIII, I. Helsinki, 1922–1923) // Asia Major. 1924. Vol. 1, Heft 2. S. 775–782.
11. *Poppe N.* Türkisch-tschuassische vergleichende Studien // Islamica. 1925. S. 409–427.
12. *Poppe N.* Die tschuassische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türksprachen // Körösi Csoma-Archivum. Budapest, 1926. Bd. 2, Heft 1–2. S. 65–83.
13. *Poppe N.* Die türkischen Lehnwörter im Tschuassischen // Ungarische Jahrbücher. Berlin, Leipzig, 1927. Bd. II. S. 151–167.
14. *Poppe N.* Tatar manual: descriptive grammar and texts with a Tatar-English glossary. Indiana Univ. Publ., 1963. 271 p.
15. *Poppe N.* Rev.: Kanjukova A.S. Čuvaškaja dialektologija (Kratkie očerki). Čeboksary: Čuvašskoe knižnoe izdatel'stvo, 1965. 148 p. // Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1971. Bd. 43. S. 227.
16. *Poppe N.* Zur Stellung des Tschuwaschischen // Central Asiatic Journal. 1974. Vol. XVIII, No. 2. S. 135–147.
17. *Ramstedt G.J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1922. Vol. XXXVIII. S. 1–34.
18. *Ramstedt G.J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / ed. and publ. by Pentti Aalto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. Vol. 1. 262 s.
19. *Yilmaz Emine.* Chuvash and Chuvash language // The Turks. Ankara: Yeni Turkiye publications, 2002. Part 6. P. 447–455.

Салмин Антон Кириллович,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Salmin Anton K.,
Doctor of History, Leading Researcher
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences

e-mail: antsalmin@mail.ru

